

ЧЛАНЦИ

Павел РУДЯКОВ*

ПОСЛЕДСТВИЯ ПОСЕЩЕНИЯ ЕКАТЕРИНОЙ II НОВОРОССИИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ КРАЯ (1787 – 2012)

ABSTRACT: *The article analyzes the range of the consequences of the visit of Katerina II of the New Russia and Crimea in 1787 for the further development of these territories that Russia consists of and within the framework of the orthodox and the Slavic civilization.*

KEY WORDS: *Katerina II, Potyomkin G., the New Russia, Crimea, Russian-Turkish Wars, Orthodox and Slavic civilization, modernization.*

Переосмысление событий прошлого в соответствии с приоритетами и императивами каждой новой эпохи, а также ее догмами, следует считать делом обычным, привычным, в каком-то смысле естественным. Историю, как известно, пишут победители, дописывают же, переписывают, сопровождая всевозможными комментариями и поучениями, наследники победителей или те, кому выпадает шанс выдать себя за них. Любое обсуждение темы последствий того или иного исторического события – независимо от того, идет ли речь о последствиях кратко- или долгосрочных, – упирается, с одной стороны, в точку зрения на это событие, с другой, в видение его под углом зрения целей и задач заинтересованных сторон и сторонних наблюдателей. Разговор о последствиях того, что было в прошлом, всегда естественным образом сводится к тому, что есть сегодня, а также к тому, как современники связывают это „сегодня” с „делами давно минувших дней”.

К путешествию Екатерины II в Новороссию и Крым в конце теперь уже далекого от нас XVIII века это утверждение имеет прямое отношение. С того самого момента, когда, собственно, по горячим следам

* Универзитет Тарас Шевченко, Кијев.

началось обсуждение этого исторического события, о значении и последствиях как его самого, так и „южных” начинаний императрицы в целом высказывались самые разные, в том числе, взаимоисключающие оценки и суждения. Кому-то казалось, что наиболее весомые и зримые результаты императорской поездки следует искать во внутривластной жизни России, а кто-то, наоборот, считал, что главный итог лежит в плоскости российской внешней политики. Кто-то делал акцент на бурном экономическом развитии края в XIX-XX вв., а кто-то, не заметив экономического бума или сознательно абстрагировавшись от него, брался утверждать, что поездка Екатерины на Юг и вся деятельность Г.Потемкина в этом регионе в целом послужили „причиной многих несчастий”. Кто-то шел еще дальше, заикливаясь на роли именно этой императрицы именно в этот период ее правления и деятельности в неблагоприятных событиях, например, в печальной судьбе уничтоженной в 1775 году по ее распоряжению Запорожской Сечи. Кто-то фокусировался на значении императорского вояжа для укрепления южных кордонов России, для ее репутации в мире, для реализации „греческого проекта” или даже для решения „восточного вопроса” в целом. Кто-то пускался в рассуждения о том, сколь агрессивной и коварной была „колониальная” внешняя политика России, и сколь сильным ударом оказалась потеря Причерноморья для Турции. Или же о том, что Крым, если бы не отошел к России, а остался турецким, достиг бы большего. Кто-то оказывал предпочтение интимным подробностям отношений Екатерины и Г.Потемкина, а кто-то и вовсе все переворачивал с ног на голову, уводя разговор в совершенно другую сторону, никоим образом не связанную с главной темой оценок и рассуждений. Наконец, кто-то еще брался импрессионировать публику, устанавливая связь между разными историческими эпохами, перескакивая через столетия, и заявляя, что пребывание самодержицы российской в гостях у ее фаворита в 1787 г. было первым шагом к геноциду украинского народа в 1932-33 гг.

Отдельного внимания заслуживает, думается, суждение о путешествии Екатерины, согласно которому оно было воспринято турецким султаном как демарш, ускорив начало очередной войны между Россией и Турцией. С точки зрения Стамбула, появление главы недружественного государства в регионе имело, безусловно, провокационный характер, несло с собой очевидные вызовы и угрозы, на которые Порты не могла себе позволить не отреагировать. Причины для войны существовали независимо ни от чего. Кучук-Кайнарджийский мирный договор был крайне невыгоден для Турции, и уже сам этот факт делал ситуацию в регионе Черного моря динамичной и взрывоопасной, не обеспечивая России более-менее продолжительного мирного существования.

В этом контексте связь между вояжем императрицы и началом очередной русско-турецкой войны представляется очевидной. Если бы не это событие, Стамбул, вероятно, не стал бы объявлять войну именно 24 (13) августа, в скором времени после возвращения Екатерины II в Санкт-Петербург. В тот момент, когда и турецкая дипломатия, и турецкая армия были к ней во всех смыслах неподготовленными, свидетельством чего стало, с одной стороны, несвоевременное информирование султана о заключенном против него союзе России и Австрии, с другой, нерадостные для Турции итоги военной кампании лета-зимы 1787 г.

Практически все, кто говорил, писал или даже просто упоминал о поездке Екатерины в Крым¹, с завидным единодушием отмечали невиданный размах мероприятия, а также колоссальный объем ресурсов, потраченных на его подготовку и проведение, причем, как отмечали многие современники и свидетели, без какой-либо бережливости и без особой эффективности. С особым удивлением отмечали эту особенность события иностранцы, для которых подобная необъяснимая щедрость и готовность в буквальном смысле слова зарывать огромные средства в песок, растрачивая их на фейерверки, декорации, костюмы, балы, званые обеды, превращая все путешествие в „один непрерывный праздник”, в „пикник в громадных размерах”, была непостижима и необъяснима. Она не укладывалась у них в голове, вызывая естественное отторжение и впечатление, что действительным итогом затеи стало, как выразился один из современников, то, что „...трясущаяся великая гора родила только мышь”².

О самом событии из исторических источников известно достаточно много. обстоятельно высказывались о нем как его непосредственные участники и свидетели, в том числе – иностранные, так и исследователи, имевшие возможность привлечь архивные и другие письменные материалы. Оно состоялось в первой половине 1787 г., подготовка же к нему началась задолго до этого и велась со всей возможной на то время основательностью и с беспримерным размахом. Не будет преувеличением сказать, что к организационно-подготовительным мероприятиям тем или иным образом, в той или иной мере оказалась под-

¹ Брикнер А. Путешествие императрицы Екатерины II в Крым. – Исторический вестник, 1885. – Т.21; Бильбасов В.А. История Екатерины II. В 2-х тт. – Берлин, 1900; Бильбасов В.А. Походы Екатерины II по Волге и Днепру. – Исторические монографии. Т.3. – СПб, 1901; Есипов Г.В. Путешествие императрицы Екатерины II в южную Россию в 1787 г. // «Киевская старина» – 1890-1891; Путешествие Ея Императорского Величества в полуденный край России, предприемлемое в 1787 году. – СПб, 1786; Принц Нассауский. Императрица Екатерина в Крыму, 1787 г. // «Русская старина» – 1893 – ноябрь и др.

² Цит. по: Брикнер А. Путешествие императрицы Екатерины II в Крым.

ключенной вся страна, в особенности же, ее центральные, южные, юго-восточные области и города: Москва, Киев, Чернигов, Херсон, Воронеж, Курск, Орел, Белгород, Тула и др.

Есть основания полагать, что очертания будущего плана посещения императрицей Крыма и Новороссии стали вызревать в 1780 г. в связи с всплеском интереса Екатерины II к восстановлению греческой монархии путем ее освобождения из-под турецкого владычества и к воссозданию «новой Византии» («греческий проект»). Всплеск шел в русле возраставшего внимания российской элиты ко всему, что было связано с геополитическим противостоянием с Турцией, с окончательным преодолением ее сопротивления на южном направлении российской экспансии, с закреплением успехов, достигнутых к тому времени Россией в продвижении к Черному морю и в Крым. В перспективе имелись в виду еще более амбициозные планы в отношении других южных морей, Дуная и Балкан.

„Греческий проект” был, вне всякого сомнения, политической утопией. Воплотить его в жизнь в эпоху Екатерины было, пожалуй, не под силу ни альянсу „великих” европейских держав при участии России, ни, тем более, ей самой. Если бы дело свелось только к нему, поездка императрицы вряд ли бы состоялась ни в 1787 г., ни в любое другое время. Идея приобрела иное качество и иной смысл, приобретая реальные очертания и заиграв вполне реалистическими красками потому, что была с энтузиазмом воспринята князем Г.Потемкиным, увязавшим проект „греческий” с „крымским”. То есть, иначе говоря, связав будущее освобождение Греции с созданием условий для расцвета Новороссии и включением Крыма в состав России.

Не менее, пожалуй, важно, что Г.Потемкин увидел в идее „южного броска” Екатерины свой собственный меркантильный интерес. Именно удачное сочетание объективной необходимости и субъективного фактора решило, по-видимому, дело в пользу того, чтобы путешествие состоялось. Или все-таки субъективный фактор следовало бы поставить на первое место, перед объективной необходимостью? Много писалось о роли Потемкина: он затянул Екатерину в Новороссию, или ею двигали не только эмоции, но и государственные интересы? Упоминалось и об интригах его противников при Дворе против него, об их стремлении провести инспекцию его управления в Таврической области, наказав за огромные злоупотребления и казнокрадство.

Как бы там ни было, печать личности Г.Потемкина, склонного часто и охотно начинать всевозможные грандиозные и амбициозные проекты, но никогда или, во всяком случае, крайне редко, доводившего их до логического завершения, ощущается на историческом событии, о ко-

тором идет речь, весьма заметно. Один из иностранных участников путешествия Екатерины Великой в Крым метко заметил, что во всем, что с ним связано „больше эффекта, чем внутренней цены...”, то есть, иначе говоря, больше шума, чем дела, чем реальной значимости для России, для края, для его жителей. Для мировой политики и геополитики, наконец. Другой представитель Европы, которому тоже посчастливилось видеть все своими глазами, сказал, что южный вояж императрицы оказался в большей мере „галлюцинацией”, чем продуманной во всех мелочах и деталях поездкой венценосной особы в отдаленные пределы, только что вошедшие в состав ее империи.

Непосредственная подготовка к путешествию началась в 1784 году. План подготовительных мероприятий, составленный Г.Потемкиным, и их размах не может не будоражить воображение и не вызывать восхищение. При всем обилии заданий и задач главный упор был сделан на ключевых моментах обеспечения проекта: прокладка новых дорог, реконструкция и благоустройство уже имеющихся; строительство городов, опорных пунктов; создание Черноморского флота; развитие экономики края. Такой выбор приоритетов говорит о том, что в погоне за личной материальной выгодой, славой, влиянием Г.Потемкин не забывал о деле, о государственных интересах и обо всем том, что вытекало из них.

Исключительно важным вопросом было транспортное обеспечение путешествия: лошади, экипажи, повозки, корабли, лодки и т.д. Г.Потемкин получил на приготовление экипажей 15 тысяч рублей, и через конюшенную контору заказал их лучшим мастерам каретного дела в Риге, Москве, Санкт-Петербурге. Было изготовлено свыше 200 экипажей, при этом часть из них имела съемный верх и могла использоваться и как зимние сани, и как летняя карета. Особенно шикарны были две шестиместные кареты для императрицы (одна основная и одна запасная): обитые изнутри войлоком, зеленым сукном и тисненой желтой кожей, они были обильно позолочены и имели герб империи с личным вензелем Екатерины II.

Инженер-полковнику Н.Корсакову было поручено строительство дороги в Крым через Кизикерман и Перекоп. Ее Г.Потемкин требовал „сделать богатой рукой, чтобы не уступала римским”, обещая назвать ее „Екатерининский путь”. Управитель области В.Каховский в письме на имя В.Попова для доклада Г.Потемкину в августе 1784 г. предложил устроить пяти или десятиверстовые „мили”, которые впоследствии были названы „екатерининскими”. Работа по сооружению и исправлению дорог и дорожных знаков, а также сопутствующей инфраструктуры (мостов, колодцев, станционных построек и др.) продолжалась весь

1785 год при острой нехватке мастеров, инструментов, продовольствия и материалов.

Самым тщательным образом, со всей скрупулезностью и детализацией был разработан маршрут следования императорского кортежа (впоследствии он несколько раз уточнялся, пока не приобрел окончательный вид), продуман весь путь, подробно расписаны места и время остановок, обедов, встреч с подданными, ночлегов, предусмотрено строительство путевых дворцов, а также церемониал встреч, составлены и утверждены тексты императорских указов, на основании которых должно было состояться путешествие. На путевые дворцы из казны получено 130 тысяч рублей, позже еще 100 тысяч. Часть денег отпускалась из соляной экспедиции и монетного двора в Феодосии и поступала в распоряжение командующего русской армией в Крыму генерал-поручика барона О.Игельстрема, а потом – сменившего его М.Каховского для строительства дворцов в Крыму. Дворцы снабжались мебелью, посудой, бельем из Курска и Москвы. Стены их оббивались разноцветными шелковыми материями под цвет мебели, расписывались художниками, раззолачивались, украшались. При дворцах устраивались великолепные сады в английском стиле с лужайками. Заготавливалось множество различных хозяйственных принадлежностей, строились ледники для хранения продуктов. Деятельность Г.Потемкина по подготовке путешествия просто поразительна. Было продумано все – вплоть до материалов для освещения пути и дворцов в ночное время, грандиозных иллюминаций и фейерверков, кадучек и ушатов, а также прочих мелочей.

В ходе подготовки к приему императрицы строились целые города, например Алешин(ки) – на левом берегу Днепра, напротив Херсона. Бригадиру И.Синельникову, строившему Екатеринослав, было указано, чтобы город соответствовал имени Великой Императрицы, а Кременчугу, который Потемкин избрал своей резиденцией, должен был быть придан вид столичного города. Развернулось строительство и других новых городов: Херсона, Николаева, Севастополя, Симферополя. Строительные работы проводились невиданными для России темпами. Алешин, например, поднялся на пустом месте всего за полгода. За два с половиной года в Симферополе были построены основные здания для управления краем и жительства чиновников и войск. Не менее бурно строился Севастополь.

Осенью 1786 г. Г.Потемкин отдал распоряжение русским войскам, дислоцированным в южном регионе, переменить квартиры, переместившись ближе к местам, через которые должен был пролегать маршрут следования императрицы и ее спутников. Это было сделано не только (и даже, может быть, не столько) на случай каких-либо непред-

виденных действий врагов России, сколько для того, чтобы подключить армию к работам на местах. Возле Киева в результате передислокации была сосредоточена стотысячная армия во главе с П.Румянцевым, тогда как другая во главе с самим графом Г.Потемкиным расположилась поблизости Херсона.

Не остались забытыми церемониально-протокольные, „фестивально”-праздничные и другие сопутствующие аспекты, им также было уделено самое пристальное внимание. Итальянскому композитору и капельмейстеру Сартти заказали торжественную ораторию к приезду императрицы в Крым. Архиепископу Екатеринославскому и Таврическому Амвросию, который должен был приветствовать Екатерину в Кременчуге, написан текст приветственной речи. Ученому К.Габлицу поручили составить путеводитель – полное географическое и историческое описание городов, сел, местечек, по которым будет пролегать путь, для чего он был послан в столичные города собирать документы и материалы. Результатом этой работы стала, видимо, книга „Путешествие Ея Императорского Величества в полуденный край России, предприемлемое в 1787 году „, считающаяся до сих пор анонимной.

В 1786 году вопрос о путешествии был решен окончательно (до этого мешали эпидемические заболевания в ряде губерний, в частности, эпидемия страшной по тем временам холеры). Екатерина пригласила австрийского императора Иосифа II и ряд принцев из других династий Европы в поездку, продумала состав высокопоставленных российских чиновников и obsługi. Г.Потемкин, тем временем, побывал в Риге, Варшаве, Киеве, где встретился с нужными людьми, достиг важных договоренностей, связанных с обеспечением путешествия, отдал необходимые распоряжения. Вернувшись в Кременчуг, он взялся даже готовить местных жителей, непривыкших к столичной жизни, к балам, которые планировались во время нахождения здесь императрицы и свиты. На Днепре по его распоряжению строилась специальная флотилия. В январе 1787 года граф уже полным ходом занимается решением вопросов по путешествию непосредственно в Крыму: в Симферополе, Бахчисарае, Севастополе и ряде других мест.

Путешествие Екатерины Великой в Новороссию и Крым началось 13 (по новому стилю) января 1787 года. В этот день – была суббота – в Санкт-Петербурге было необычайно оживленно. При большом скоплении народа на Невском проспекте и прилегающих к Казанскому собору улицах, после молебна в грандиозное путешествие „в полуденный край” Российской империи отправилась невиданная по числу участников и роскоши экспедиция во главе с Екатериной Великой. В свиту императрицы входили: гетман Польши, русский генерал-аншеф граф К.Браницкий,

полномочный посол при польском короле П.Скавронский, жены их обеих (племянницы Г.Потемкина, и фрейлины двора) и другие фрейлины, вице-президент адмирал-коллегии И.Чернышев, обер-шталмейстер Л.Нарышкин, обер-камергер И.Шувалов, гофмейстер и тайный советник граф А.Безбородко, генерал-адъютант граф Ф.Ангальт, вице-адмирал и генерал-интендант П.Пушин, генерал-майор, действительный камергер и флигель-адъютант А.Дмитриев-Мамонов (в ту пору фаворит Екатерины), флигель-адъютант В.Левашов, действительный статский советник А.Храповицкий, В.Кочубей (будущий министр внутренних дел), лейб-медик И.Рожерсон, И. де Рибас, кабинет-секретарь В.Попов и др. Кроме них, в путешествие с императрицей отправились иностранные посланники при Дворе: австрийский – Кобенцель, французский – де Сегюр, английский – Герберг, испанский – принц де Линь. Еще один испанец – К. Нассау-Зинген – присоединился к кортежу в Киеве. Общая численность „экспедиции”, включая лакеев, кучеров, фореиторов, парикмахеров, камердинеров, поваров, поварят, кондитеров, музыкантов, скороходов и даже двух арапов, составляла более двухсот человек.

17 января в Царском Селе собрались все приглашенные в путешествие. В 9 часов утра 18 января стоял крепкий морозец - 18 градусов. Императрица вышла в суконном кафтане на меху, со шнурами впереди, в высокой собольей шапке, и художник-самоучка Шибаев сделал с нее дошедший до нас портрет. Расселись по местам, и кортеж, состоящий из 14 карет, 124 саней с кибитками, 40 запасных саней двинулся в путь, растянувшись на версту. В карету с императрицей сели ее постоянные спутники Дмитриев-Мамонов и Протасова, а также иностранные посланники. Ехали не спеша: с 9 до 12, затем, после обеда с 15 до 19 часов. На каждой станции кортеж встречало по 500-600 свежих лошадей. Обеды устраивались в казенных зданиях или в помещичьих мызах, а в Новороссии – в специально построенных для этой цели путевых дворцах. Столовая посуда каждый раз была новой. Отобедав, ее дарили на память хозяевам. На границе каждой губернии кортеж встречали и провожали до границы следующей губернии губернатор и губернские чиновники. От Петербурга до Киева было предусмотрено 78 станций с обедами и ночлегом. В сумерках дорогу освещали кострами, которые устраивались через каждые 30 метров из заранее заготовленных еловых, сосновых, березовых бревен (они особенно врезались в память де Сегюру: „мы ехали между огней, которые светили ярче дневных лучей”). При каждой остановке на ночлег путников встречала иллюминация: смоляные бочки и плоски, горевшие по такому случаю.

Особенно торжественной на первом этапе пути была встреча на родине Г.Потемкина в Смоленске, куда кортеж прибыл 23 янва-

ря. Навстречу ему выехало „100 почтальонов верхами с зажженными факелами, генерал-губернатор, губернский предводитель дворянства С.Храповицкий, 12 уездных предводителей, 12 депутатов от дворянства и 50 других видных дворян, 24 офицера, купечество, ремесленники с цеховыми значками, духовенство. „Кортеж проследовал в город под барабанный бой и пушечную пальбу из крепости. Л. де Сегюр отметил: в городе „нас ожидало множество приезжих со всех сторон Европы. Государыня, помолвившись в соборе, удалилась в свой дворец, но на другой день она принимала дворянство, городские власти, купечество, духовенство, а вечером дала пышный бал, на котором было до трехсот дам в богатых нарядах...”.

8 февраля императрица и ее спутники прибыли в Киев – „мать городов русских”, столицу Киевской Руси, традиционный центр „южно-го” края, где сделали почти трехмесячную остановку. Прием был очень пышным. Г.Потемкин, А.Суворов, архиепископ Амвросий (Каменский), граф О.Штакельберг (русский посланник в Польше), ряд других лиц прибыли на встречу с императрицей. Начались бесчисленные поездки по историческим местам: в Печерский монастырь, на Старокиевскую гору, к Десятинной церкви, на Подол. Балы и маскарады следовали непрерывной чередой.

Пока ждали вскрытия Днепра от льда, велись запланированные работы по обеспечению путешествия. По распоряжению Г.Потемкина, путем подрыва скал была проведена очистка Днепра от порогов, так что русло его к весне стало судоходным по всему течению реки. Как по волшебству, появившиеся путевые дворцы в щедрой позолоте мебели, внутренней отделки, сверкании зеркал, бронзы, каскадах хрусталя встречали путешественников для ночного отдыха. Погреба и ледники ломились от „необходимого провианта”. Плошки, фонари, смоляные бочки освещали местность. Дорога была тщательно выровнена для „покойной езды”. Города, деревни, усадьбы, иногда и простые хаты были так украшены декорациями, цветами и другой зеленью, что представляли собой поистине великолепное зрелище. Как только река вскрылась, 22 апреля около 50 великолепно отделанных галер, а всего до 80 судов – целая увеселительная флотилия, на которой разместилось около 3000 человек, – с небывалой пышностью двинулась дальше. Галеры, отделанные в римском стиле, отличались огромными размерами и богатством убранства. На самой большой галере „Десна”, отделанной золотом, ехала императрица с приближенными. Здесь находилась большая столовая, в которой давались торжественные обеды. Флотилию со всех сторон окружали шлюпки и челноки, на которых путешественники, ехавшие на разных судах, могли посещать друг друга. Повсюду флотилию

встречали толпы народа, места остановок были отреставрированы и украшены, народу горстями разбрасывали деньги.

В Каневе произошла встреча Екатерины Великой с польским королем Станиславом-Августом (Понятовским), на которой присутствовал и Г.Потемкин. Близ Кайдан (после Канева) к кортежу присоединился австрийский император Иосиф II, путешествовавший инкогнито под именем графа Фанкельштейна. В Кременчуге, куда доплыли к 9 утра 30 апреля, императорский кортеж был встречен еще более пышно, чем где бы то ни было ранее: это уже была вотчина Г.Потемкина. К пристани подходили при большом стечении народа, при пушечной пальбе Екатерину и ее спутников перевезли на берег в шляпках, а в дворец – в каретах. По сторонам располагались полки армии. Верхами около кареты скакал Потемкин, два генерал-аншефа, граф Румянцев и другие. Замыкал кортеж лучший эскадрон Екатерининского кирасирского полка, канонада с батареи, парад войск, а вечером – иллюминация. Императрице очень по душе пришелся здешний путевой дворец и сад при нем, 15-ти тысячное войско, располагавшееся здесь и составленное из лучших легкоконных полков. 1 мая архиепископ Амвросий сказал запланированную речь, „к руке” императрицы (что считалось особой милостью) были допущены Амвросий, Потемкин, генералитет и еще несколько чинов и офицеров. Во время обеда разыграны представления, оркестр музыкантов и группа певцов насчитывали 186 человек. Здесь и была сыграна торжественная кантата, сочиненная Сарти.

4 мая двинулись в путь, которому мешал сильный встречный ветер, так что сделали всего 25 верст за день. Через день остановились в 8 верстах от Кайдак, где строился Екатеринослав, Амвросий отслужил литургию в новой церкви. 12 мая приплыли в Херсон, который удивил даже иностранцев, сидевших в великолепной „колеснице” Екатерины Великой. Они увидели почти оконченную крепость, большие казармы, арсенал со множеством пушек, два линейных корабля и фрегат на верфях, готовые к спуску, казенные здания, несколько церквей, частные дома и множество магазинов с богатым набором товаров. 18 мая кортеж оказался на границе с Таврической областью. Утром следующего дня переехали на другой берег Днепра, принадлежащий уже Таврической области. Тут его встретили правитель области В.Каховский, экономии директор К.Габлиц, и Мамут-бей с „конными туркменцами, киргизцами, ногайцами, обитающими в Днепровском и Мелитопольском уездах. Они и сопровождали кортеж во все время пути до выезда из пределов области 31 мая. Утром переехали Перекоп и обедали у Пяти Колодезей. Здесь императрице показали 13 образцов соли. На Перекопских воротах по распоряжению Г.Потемкина появился девиз:

„Предпослала страх и принесла мир”. От Алма-Кермена, не доезжая 11 верст до Бахчисарая, императрицу провожала конница татар, составленная из родовитых мурз численностью от 1 до 2 тысяч человек. Иосиф II жутковато шутил: а что если они захватят двух императоров и отвезут их султану. Но все обошлось: начальником у них был русский - полковник Иван Большой Горич, а татары набраны по вольному найму. Их блестящие костюмы и джигитовка приводили в восторг Екатерину и Иосифа. В пяти верстах от Бахчисарая кортеж встретили - в роскошной Альминской долине, у фонтана, В.Каховский с генералитетом, К.Габлиц и де Рибас. В Бахчисарае, на горе расположились лучшие полки Г.Потемкина: Екатеринославский гренадерский, Троицкий и Старосельский мушкетерские, которые встретили путников барабанным боем, преклонением знамен и на коленях.

Пребывание в Крыму произвело на Екатерину Великую и на ее спутников без преувеличения неизгладимое впечатление. Тут ее сердцу было мило буквально все без исключения, начиная от разнообразных роскошных пейзажей и красот природы и заканчивая истовыми проявлениями верноподданнических чувств местными татарами и их предводителями. Особенный восторг путешественников вызвала демонстрация во время обеда в Инкермане только что построенных кораблей Черноморского флота. Г.Потемкин обставил ее с особой эффектностью и помпезностью, поразив воображение и императрицы, и ее гостей.

Если говорить о новороссийско-крымском вояже Екатерины в 1787 г. и о его последствиях со всей серьезностью и ответственностью, не стремясь уловить переменчивый ветер конъюнктуры, превратив историю в инструмент борьбы за власть и средство политического протестирования, то придется признать достаточно высокую значимость и знаковость этого события с точки зрения целого ряда причин и обстоятельств. Было бы неверно и в высшей степени контрпродуктивно идеализировать путешествие Екатерины II в Новороссию и Крым, с одной стороны, завышая его ценность и значимость, с другой же, преуменьшая действительную цену и оказанного ей шикарного во приема, и всех подготовительных работ и усилий. Однако не видеть его положительных сторон тоже ни в коем случае не следовало бы.

Едва ли не самым главным, фундаментальным, последствием этого события стало окончательное определение как места территорий, включенных в Новороссию, в межгосударственном и цивилизационном распределении зон владения и влияния, так и их дальнейшей исторической судьбы: в составе России, вместе с Россией, в парадигме восточнославянско-православной цивилизации. Совершенно правы, как представляется, те, кто считает, что „путешествие Екатерины Великой

в Крым в 1787 г. знаменовало собой вступление земель Северного Причерноморья в новую эру цивилизационного развития”³. На территории края началось возведение новых городов, прокладка и обустройство дорог. Его жители взялись за новые для себя занятия: возделывание земель, хлебопашество, виноградарство, овцеводство, оставив в стороне работоторговлю, которой массово занимались издревле.

Не менее важным оказывается кардинальное решение вопроса об идентичности большей части населения края. Несмотря на весьма пестрый, неоднородный с точки зрения этнической принадлежности состав населения Новороссии, большинство ее жителей и их потомков в полной мере ощутило себя именно русскими, как по подданству, так и по цивилизационной, уже не только в смысле материальной культуры, но и духовности, принадлежности. Это обстоятельство в значительной мере способствовало дальнейшей колонизации края, обеспечив ее без преувеличения грандиозный масштаб, а в конечном итоге и общий успех.

Есть основания считать, что в процессе дальнейшего исторического развития сформировалась и развилась особый южнорусский тип идентичности как одна из разновидностей идентичности общерусской, впоследствии подвергшийся дополнительному внутреннему делению на отдельные подгруппы: „крымчане”, „одесситы”, „днепропетровские”, „донецкие”, „степовики” и др. Со временем Юг России оформился в одну из самобытных, относительно самостоятельных составляющих единого пространства русского мира. „Южане” достаточно мощным потоком влились в общее русло русской нации, привнеся в него особый, ни с чем несравнимый, колорит и специфику.

Явление российской императрицы стало символическим освящением завершения споров и конфликтов вокруг края, отказа от любых претензий за него или на какую-либо из его частей со стороны Османской империи. Тот факт, что Екатерину сопровождали послы „великих” европейских государств, вершивших судьбы мира, и, к тому же, австрийский император Иосиф II, свидетельствовал о том, что этот новый статус-кво признается Европой. Продвижение России на юг происходило не в вакууме. За ним и всем, что с ним было связано, пристально наблюдали не только те, кого оно непосредственно касалось, чьи интересы затрагивало, – турки, – но и „великие” европейские державы, по давней привычке ревниво относившиеся к успехам и достижениям россиян. По свидетельству одного из участников путешествия, увиден-

³ 225 лет Великому путешествию Екатерины II в Новороссию и Крым (автор текста О.Елисеев). – М., АНО «Институт диаспоры и интеграции («Институт стран СНГ»), 2012. – С.4.

ное воочию „...цветущее состояние новых русских колоний возбудило зависть соседей”⁴, подталкивая их к словам и делам, направленным на ухудшение ситуации и на ослабление России.

С точки зрения Стамбула, стремление России закрепить за собой Крым и готовность Европы согласиться с этим выглядели более чем спорно. И в конце ХУШ, и в течение почти всего XIX века Турция готова была оспаривать принадлежность Северного Причерноморья к владениям русской короны, отстаивая свои права на регион.

Присоединив Причерноморье и Крым, Россия решила, наконец, для себя важнейшую проблему, не дававшую покоя в течение нескольких веков: надежно защитила свои государственные пределы с южного направления, долгое время остававшегося для нее одним из самых опасных и угрожающих. Не лишним будет упомянуть, что одним из предшественников потемкинского проекта Новороссии был проект заселения южных пределов Российской империи переселенцами из других стран с целью создания „военной границы” по примеру той, которая существовала в Австрии, отделяя ее от Турции (в его рамках, кстати сказать, были основаны поселения сербских и черногорских переселенцев в России Новая Сербия и Славяносербия, которые, правда, существовали очень недолго). План укрепления южных границ по примеру Австрии – путем создания военных поселений – оказался в определенной степени успешным, однако, в полной мере Петербург по целому ряду причин как объективного, так и субъективного свойства не удовлетворил.

Освоение Россией Северного Причерноморья и Крыма, безусловно, носило характер колонизации. Можно по-разному относиться к российской колонизации, как, собственно, и к любой другой – английской, испанской, французской, – однако, в любом случае следует признать, что она несла с собой прогресс. Альтернативой же ей для тех, кого колонизовали, было продолжение депрессивного образа жизни, основанного на архаичном натуральном хозяйстве и фольклорно-этнографической духовной культуре, а также консервация беззащитности перед грабительскими набегами крымских татар, осуществляемых с молчаливого согласия Стамбула и под его контролем. Ни о какой независимости и праве на самоопределение, а тем более, государственности в отношении территорий, входивших в состав Новороссии, речь, конечно, не шла, и идти не могла. Если бы Причерноморье и Крым не были присвоены и освоены Россией, для них бы нашелся другой хозяин в лице то ли Турции, то ли Польши.

⁴ Там же. – С.5.

Для Новороссии после посещения ее Екатериной II началась эпоха безудержного, беспрецедентного роста – экономического, демографического, социального, культурного. Именно благодаря вхождению в состав России были созданы предпосылки и условия для решительного рывка. Развитие края шло по восходящей линии, причем, невиданными темпами. Строились новые города. Как грибы после дождя, множились новые производства и целые отрасли промышленности. Буйным цветом цвела торговля, как внутренняя, так и внешняя, для ее ведения в регионе имелось в изобилии все необходимое, начиная с крайне выгодного географического положения. Впервые явленный взору императрицы и ее сановных гостей Черноморский флот России с годами встал на ноги, вырос, окреп, превратившись в важный фактор национальной безопасности и региональной стабильности.

При колоссальном уровне коррупции, имевшем место при освоении бюджетных средств, выделявшихся для освоения Новороссии и для осуществления путешествия туда Екатерины Великой, есть основания говорить о том, что финансовые, организационные и прочие ресурсы, пущенные центром на развитие нового региона, были чрезвычайно велики и дали весьма ощутимые результаты уже в среднесрочной перспективе. Даже весьма скептически настроенные по отношению как самого Г.Потемкина, так и его претенциозных начинаний современники тех событий, о которых идет речь, вынуждены были признавать, что нельзя было не удивляться тому, что он успел сделать на юге России в столь сжатые сроки.

Суть процессов, происходивших в Новороссии в ту эпоху, можно выразить одним-единственным словом – модернизация. Жизнь края и его обитателей форсировано переустраивалась по новым современным образцам, становившимся доступными, в первую очередь, благодаря „фактору России”.

Одним из ярких и показательных примеров этого может служить, например, развитие аптек и аптечного дела в целом. Право первенства в становлении и развитии этого направления медицинского обслуживания и социальной защиты населения в России принадлежит Екатерине Великой. Именно при ее правлении был издан первый аптекарский устав Российской империи (1789). В те времена аптек в государстве откровенно не хватало. Недаром императрица 10 января 1768 г. подписала именной указ президенту Медицинской коллегии барону А.Черкасову, в котором поручала ему подготовить конкретные предложения по исправлению ситуации⁵. Вместе с указом была введена в действие специ-

⁵ Ковалинський В. Київські мініатюри. Книга 6. – К., Купола, 2007.

альная аптекарская такса, на основе которой устанавливалась оплата за лекарства. В ней, кстати сказать, нашлось место и для заботы о беднейших слоях населения: «...Чтобы сделать более доступными для бедного класса людей наиболее употребляемые как простые, так и сложные медикаменты, – лекарства должны отпускаться из аптек без взимания оплаты за: обертку и обвязку, пробку, печать, сигнатуру и ярлык, если они прописываются не в смеси с другими и вообще не поддаются никакой фармацевтической обработке»⁶.

Г.Потемкин придавал большое значение развитию аптечного дела. На плане Симферополя от 1786 г. отмечены места строительства жизненно важных для развития города и обеспечения его жизнедеятельности объектов. Среди них – аптека. Средства на ее строительство и обустройство были выделены по распоряжению самого князя: „на построение в Симферополе аптеки по представленной... смете соупотреблением на то полковых служителей сумма всего 9 тысяч 553 рубля 31 копейка”⁷. Не оставлял он без внимания и тех людей, кто был призван заниматься аптекарством и медициной. Одно из его распоряжений прямо посвящено данному вопросу: „Определенным в Таврическую область подлекарями Шишлову, Требинскому и Зевчевскому, как по вашему положены им жалованьем по 60 руб. в год... заслуживают уважение своим поведением. Извольте сделать прибавку... еще по 60 рублей”⁸.

Если принять в качестве одного из показателей прогресса рост и развитие городов, то Новороссия в конце ХУШ и в первой половине ХІХ века продемонстрировала в этом плане без преувеличения весьма завидный не только по российским, но и по лучшим европейским меркам результат. Екатеринослав, Одесса, Херсон, Николаев, Кременчуг, Елизаветград, Симферополь, Севастополь, демонстрируя прирост населения и качественный рост в два-три раза более быстрый, чем в «старых» губерниях Центра и Юга России, – очень скоро вошли в круг средних и крупных городских центров, выросших прямо на глазах. Некоторые из них – в буквальном смысле слова на пустом месте.

Нет, конечно, „столица Потемкина” Кременчуг роль новой столицы Российской империи, которую в порыве буйства фантазии пророчил ему сам всемогущий в эпоху крымского вояжа Екатерины Великой и вездесущий в ход его подготовки и осуществления князь Потем-

⁶ Аптекарская такса или оценка лекарства, составленная медицинским советом. – СПб., 1860.

⁷ Дранова Н. Первая на полуострове аптека появилась в Евпатории // „Первая крымская”. - № 357. – 19августа/25 августа 2011 г.

⁸ Т а м ж е.

кин-Таврический, не осилил. Так никогда и не превратился ни в „третью столицу Российской империи“, ни в „новый Иерусалим“ Екатеринослав-Днепропетровск. Не потянули ни на формальный, ни на неформальный статус хотя бы пятой или седьмой всероссийской столицы ни Херсон, ни Николаев, ни Одесса, ни Симферополь. Тем не менее, становление и развитие новых городских центров Новороссии происходило весьма динамично. Их значение в жизни и края, и всей России день ото дня возрастало. У каждого из них была своя, неповторимая и по-своему яркая, судьба, которой могли бы позавидовать многие европейские города с гораздо более давним историческим прошлым.

Выражение „потемкинские деревни“ прочно вошло в обиход, стало устойчивым речевым образом, штампом, символизируя грандиозное по своим масштабам очковтирательство, устроенное Г.Потемкиным с целью приукрасить степень развития и благосостояния края, а заодно и скрыть от императрицы размеры собственного казнокрадства и мздоимства. С не меньшим успехом, чем о „деревнях“, можно, думаю, вести речь о „потемкинских городах“. Не с отрицательно-ироничным, а с положительным значением. Многие из населенных пунктов Северного Причерноморья и Крыма начали свое городское существование при Г.Потемкине. Именно ему, его вниманию, энергии, предприимчивости, размаху они во многом обязаны своим преобразованием и своей новой – яркой и успешной – судьбой.

На фоне впечатляющих экономических и политических успехов в жизни региона после его присоединения к России активно развивались гуманитарная и социальная сферы – наука, культура, искусство, образование, медицина. Основывались университеты и другие учебные заведения, открывались театры, типографии, богоугодные заведения, проводились выставки, ярмарки, фестивали. Уже в следующем – XIX – веке Новороссия и Крым по уровню социального развития мало чем уступали другим регионам России, а в некоторых отношениях превосходили многие из них.

И последнее. Путешествие Екатерины II было событием неординарным для венценосных особ, однако, отнюдь не уникальным. Австрийский император Иосиф II, например, практиковал поездки по стране, которой правил, регулярно. Так, к примеру, в 1786 году он посетил Черновцы, место не столь удаленное, как Юг России и Крым от Санкт-Петербурга, но, в общем, тоже расположенное отнюдь не поблизости австрийской столицы. Одно из последствий этого посещения – появление в городе новой площади – Рынок, – которая сегодня является визитной карточкой города, его украшением, жемчужиной. Принято считать, что идею создания новой площади в том месте, где она нахо-

дится, посоветовал горожанам именно император. Он же, якобы, подсказал, каким должен был бы быть ее облик.

Pavel RUDJAKOV

THE CONSEQUENCES OF THE VISIT OF KATERINA II
OF THE NEW RUSSIA FOR THE DEVELOPMENT
OF THE TERRITORY (1787 – 2012)

Summary

The article researches the issue of the modern interpretation with the characteristic contradictions of such an ambiguous historical event of the end of the XVIII century as the travel of Katerina II to the New Russia and Crimea, starting with the emergence of this idea, the preparation and its implementation. The paper covers the important role of Potyomkin as the “ideologist” and the main organizer of this event. It reveals its internal and external contexts. It is concluded about the positivity of the joining of the South Russian territories the Russian Empire.

